

Предлагаемое читателю культурологическое осмысление эпоса “Манас” написано недавно ушедшим из жизни автором Убукеевым Мелисом Айткуловичем, неординарным человеком, талантливым исследователем, выдающимся кинорежиссером. В осмыслении глубин эпоса им ещё не была поставлена точка, рано наступившая смерть не позволила ему высказаться до конца по волнующей его эпической теме, которой он болел не один десяток лет, и эта довольно длительная временная дистанция отложила свой отпечаток на весь цикл его работ по эпосу. Мелис Айткулович Убукеев прекрасно понимал и интуитивно чувствовал, что эпос “Манас” тем и велик, тем и многомерен, что вобрал в свой художественный состав все специфические свойства менталитета кыргызов, которые были выработаны на протяжении не одного тысячелетия. Он понимал, что это очень сложное, многоохватное, стадийно многослойное произведение, что в нём сконцентрировано всё философское мировоззрение кыргызов, что в нём получили отражение временные и пространственные их понятия. Он даёт своё понимание и толкование различным стадийно сменяющимся религиям, начиная от язычества, манихейства, несторианства до ислама.

Круг проблем, которые интересуют автора, не всегда по плечу даже иному исследователю, специально занимающимся вопросами манасоведения. Здесь и семантика эпоса, его исторические корни, истоки, образы, художественная природа устного произведения, здесь и тайна сказительского искусства, духовные свойства его, и здесь же ощущается сценарный пересказ главных сюжетных линий “Манаса”. Автор пытается все эти проблемы сплавить воедино, дабы ответить на один волнующий его вопрос: в чём секрет “Манаса”, этого монументального творения, которое оставили ему в наследство его соплеменники, извечные номады, кочевавшие по необъятным просторам Центральной Азии. Убукееву М. А. удалось войти в многосложную структуру эпоса, в его тематику, ему удалось уловить духовные, сакральные и некоторые эзотерические свойства его, что вылилось в своеобразное толкование эпического материала. Данный труд свидетельствует, что Мелис Айткулович не только писатель-сценарист, не только художник-режиссер, но и художник-исследователь. Именно аналитичность исследовательского инструментария, глубина постижения поэтического мира позволили ему сделать верный вывод о месте и значении эпоса в духовной жизни кыргызов.

Убукееву М. А. удалось по-своему осветить целый ряд вопросов, связанных с архаическими пластами эпоса, спецификой времени и пространства, трагедийной сущностью трилогии и ролью судьбы-рока в ней. Автор без колебания относит эпос к трагедийному жанру, в котором рок, судьба предопределяет исход повествуемых событий, и где персонажами управляет всемогущий и неумолимый фатум. Об этом автор пишет следующее: “Идея объединения кыргызских племен перед внешней опасностью, тщетность осуществления этой высокой и благородной идеи в результате вмешательства некоей высшей силы, не зависящей от воли людей Судьба делают эпос “Манас” величайшей трагедией своей эпохи”. Такое толкование идейной сущности эпоса, а именно определение его трагедией, где “соблюдены и классически соотнесены все пропорции и жанровые признаки высокой трагедии...” высказывается в манасоведении так открыто и откровенно впервые. Эпос М. А. Убукеевым воспринимается как катарсис, который очищал и возвышал слушающую аудиторию, которая “погружалась в надреальный фантастический мир эпоса, отождествляя себя с героями “Манаса”.

В совершенно новом свете трактуется М. А. Убукеевым противоречивый образ Джакыпа, отца Манаса, и, наконец, очень интересно, с большой болью освещена многотрудная деформация национальной культуры. В противовес многим утверждениям о том, что эпос и сегодня может твориться и импровизироваться, автор, по-моему, совершенно верно отмечает, что дальнейшее развитие его было бы непродуктивным и спровоцировало бы деформацию жанра. Он констатирует о том, что “эпос умирает и, умирая, уходит в бессмертие”. Думается, что точнее и лучше не скажешь.

Подход к эпосу как к многомерному явлению, явлению загадочному и таинственному, во многом верно помогает автору вскрывать эти свойства эпоса.

За долгие годы работы над сценарием фильма о Манасе, а затем над режессурой постановки фильма автору пришлось перекопать огромный материал по истории, этнографии, фольклористике, не говоря уже об освоении монументального текста эпоса в различных вариантах. Он советуется, консультируется с известными учеными, писателями, делится своими размышлениями, дабы вернее и глубже постичь сущность эпоса. Так, сохранились его записи бесед со Львом Николаевичем Гумилевым крупнейшим востоковедом и тюркологом. Здесь мы решили привести небольшой отрывок из их бесед о божественном происхождении и таинственной, сакральной природе “Манаса”: “...Л. Н. Гумилев автор десятков книг по тюркологии и исторической географии, величайший востоковед современности, вклад которого в тюркологию несравним ни с чем и ни с кем. Человек трагической и прекрасной судьбы. Он сын двух великих русских поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Лев Николаевич нес свой тяжкий крест из-за своих знаменитых опальных родителей и сам впал в немилость: дважды сидел и прожил суровую, полную лишений жизнь. Он автор степной трилогии и знаменитой теории пассионария, которую не все принимают в научном мире, но которая не оставляет никого равнодушным. Человек большой культуры, эрудиции и огромной любви и преданности Востоку. Признаться, я очень любил его и держал его почти за пророка...

Я часто бывал у него в Ленинграде и Москве и подолгу беседовал с ним. Зная о том, что я серьёзно занимаюсь “Манасом”, он однажды спросил меня:

Кстати, а вы получили благословение бакшы, приступая к “Манасу”? (Поясню: бакшы это кыргызский шаман).

Меня благословил когда-то последний великий манасчи Саякбай Каралаев...

Этого недостаточно. Надо, чтобы вас благословил настоящий бакши, то есть жрец Манаса, иначе вам не миновать беды.

И Лев Николаевич рассказал мне следующую историю.

Когда я приступил к своей книге “Старобурятская живопись”, меня начали преследовать неудачи. Во всём. И в быту, и в творчестве. Кончилось тем, что меня арестовали в первый раз. Когда я вышел из тюрьмы, один мудрый человек мне сказал: тебе надо получить благословение буддийского монаха, иначе у тебя ничего не выйдет. Я так и поступил: поехал в Бурятию и принял благословение старого буддийского монаха и все мои неудачи как рукой сняло...

Вокруг таких крупных духовных явлений, как “Манас”, имеется мощное силовое поле, непонятная и таинственная сила, которая оберегает и ограждает свои святыни от всякого инородного вторжения, а порой и жестоко наказывает незваных гостей. Подобное случилось, когда решили поставить памятник “Деде Коркуту”: пятеро из семерых погибли, а двое оставшихся отказались продолжать работу.

Почему такое происходит? спросил я. Ведь эти люди, наверное, работали с самыми чистыми помыслами и благородными намерениями...

Лев Николаевич усмехнулся:

Попробуйте суньте два пальца в розетку с самыми чистыми намерениями, и я посмотрю, что с вами будет.

И Лев Николаевич мне объяснил: дело в том, что вы вторгаетесь в пантеон чужих богов и, будучи человеком просвещенным и наделенным фантазией, при этом ощущаете определенный страх и тревогу. И чем больше у вас воображения и фантазии, тем больше страха. И этот подсознательный страх может стать причиной несчастного случая или даже смерти. Но когда вы получаете благословение шамана, жреца этого пантеона чужих богов, вы освобождаетесь от страха и ставите изоляцию между вами и страхом.

Как выяснилось, вся механика этого дела оказалась довольно простой. Но для того, чтобы объяснить всё так просто, нужно было быть Львом Николаевичем Гумилевым. Я очень крепко задумался над предостережением Л. Н. Гумилева и, с трудом разыскав в Сибири настоящего хакасского шамана, получил, наконец, его благословение..."

Богатая фантазия режиссера-сценариста часто сливается с фантазией писателя-исследователя, и в результате интересные мысли, выводы. Можно утверждать, что умение в малом увидеть большое, обобщить, придать этим фактам нужные и важные для автора выводы

позволяют читать исследование как захватывающее художественное полотно. Так, размышляя об археологической находке вблизи озера Иссык-Куль сакского Золотого Вождя, автор своей фантазией находит сходство вождя с образом богатыря Манаса, тем самым расширяя круг раздумий вокруг кыргызской эпопеи. Вот его слова: “Д возможно, он был похож на сакского Золотого Вождя, останки которого были найдены близ озера Иссык-Куль? Кто бы он ни был, этот неизвестный вождь кыргызов, со временем он обрёл мифические черты и стал эпическим героем Манасом”.

Такого же типа озарение посещает автора, когда он ведёт речь о сказителях и об истоках сказительского искусства. Он считает, что жрец, шаман могли быть предшественниками сказителя-манасчи. “Духи, пишет он, любили Слово образное, поэтическое, ритмическое. Вот почему шаманизм в теснейшей связи с развитием поэзии, эпоса и других поэтических жанров фольклора. Сочетая в себе высокий поэтический дар со знанием мифов и преданий, шаман был, по существу, и народным сказителем”.

“Вольная фантазия и раскрепощенное мышление”, как выражается сам автор, помогают ему высказать гипотезу о некоторых исторических реалиях эпоса. Так, он считает, что город карлуков Бейтин (Бешбалык), расположенный в Восточном Туркестане, является фольклорной транскрипцией исторического Бейтина и, следовательно, отражает события, связанные с борьбой кыргызов в 840-е годы против тогузгузов (уйгуров). Думается, что такая гипотеза не далека от исторической истины.

Известно, что в любой работе можно обнаружить свои издержки, по отдельным вопросам, поднятым автором, можно поспорить, не согласиться с некоторыми положениями. Так, рассматривая мировоззренческую семантику эпоса, М. А. Убукеев находит, что влияние ислама на эпос “ничтожно”. Это не совсем точно. Известно, что вариант Сагымбая Орозбакова подвержен исламизации сюжетного хода и образов эпоса наиболее интенсивно, поэтому сбрасывать ислам, который был позднейшим религиозным наслоением, было бы не совсем верно. Эпос ценен и загадочен именно в силу таких стадийных многоступенчатых явлений.

В итоге следует сказать, что культурологическое исследование М. А. Убукеева по эпосу “Манас” заслуживает всяческой поддержки, стиль изложения и поднятые проблемы не могут оставить читателя равнодушными. Это исследование, я думаю, будет работать безошибочно на жгучий запрос времени: “Кто я, откуда и зачем?”. Всё это говорит за то, что эпос прочтен с позиций сегодняшнего дня и неординарно отвечает на поставленные вопросы современности.

Р. З. Кыдырбаева, доктор филологических наук, член-корреспондент Национальной Академии Наук.